

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	7
Глава 2	42
Глава 3	97
Глава 4	119
Глава 5	160
Глава 6	186
Глава 7	203
Глава 8	237
Глава 9	282
Глава 10	322
Глава 11	338
Глава 12	393
Глава 13	421
Глава 14	437
Глава 15	454
Благодарности	478

ГЛАВА

I

2018

В целом похороны им нравятся. Майклу — потому что он по жизни питает слабость к церемониям, Ханне — потому что она любит, когда эмоций через край, Элис — потому что такие мероприятия вообще сплачивают. Их матери — потому что она чувствует, будто добилась своего. Пришедшая пораньше Элис встречает гостей у входа в крематорий. Это ее жизненное кредо — приходить раньше, а у Ханны — опаздывать (или совсем не приходить, или же оказываться там, где ей быть не полагается).

— Вежливее было бы их на улице встретить, — замечает мать.

— Так дождь же.

— Элис, это похороны, — говорит мать, словно на похоронах всем полагается намокнуть.

Но, так как мать не выказала ни малейшего желания составить ей компанию под дождем, да и вовсе куда-то подевалась, Элис теперь и стоит тут — топчется в жарко натопленном предбаннике, где пахнет дезинфицирующим средством, и мокрой шерстью,

и еще чем-то приторным и неуловимым — Элис отчаянно надеется, что не смертью.

Она помогла матери организовать эти похороны — или, по крайней мере, так официально считается. На самом же деле основную часть забот Элис взяла на себя: вела переговоры с ритуальными агентами, согласовывала очередность действий со священником, отправляющим церковное торжество (в свете обстоятельств это слово казалось Элис странноватым), и бронировала в Клубе рабочих зал для поминок. Сильнее всего она переживала из-за угощения, потому что с трудом представляла себе, кто именно придет. Неделю-две назад, в субботу, она перебрала документы в старом тетушкином доме, отыскивала несколько адресов (кое-где не было даже имен тех, кто там живет) и отправила извещения о похоронах. Наткнулась Элис и на кое-какие телефонные номера — позвонив по ним, Элис оставила несколько голосовых сообщений, поговорила с очень любезным мужчиной, который отрицал всякое знакомство с тетей, и менее любезной женщиной — наорав на Элис, та бросила трубку. Прийти пообещали некоторые из тетиних соседок, в основном люди пожилые, жившие на этой улице задолго до смерти бабушки и дедушки Элис.

Гроб с тетушкиным телом уже стоит перед часовней. Мать Элис не захотела, чтобы его торжественно несли мимо собравшихся.

— Только лишняя суета, — сказала она, — вдруг уронят?

— Не уронят, — отмахнулась Элис.

— Да запросто. Твоя тетушка не сказать чтоб пушинка была.

Элис, любившая тетку, пропустила колкость мимо ушей.

Первые несколько машин уже заезжают на парковку. Сквозь стеклянную дверь в дождевых потеках Элис смотрит на приехавших, и ее грызет тревога за них, ее обычная тревога по приезде куда-то. Всю жизнь приезжать куда-нибудь давалось Элис непросто. В детстве, когда ее привозили поиграть к подружкам (или, что хуже, на вечеринку) или даже к бабушке с дедушкой и когда машина останавливалась у дома, тревога принималась неотступно грызть Элис. Потом гул двигателя затихал, и желудок словно наливался свинцом. (Ханна же тем временем сломя голову и без оглядки бежала к дому.) Сам повод бывал, как правило, приятным и даже радостным. Однако для Элис пропасть между тем состоянием, когда ты еще не на мероприятии, и тем, когда уже туда попал, огромна, а преодолевать ее порой приходится за несколько секунд.

Среди прибывших Элис Ханну не видит. Она толкает тяжелую деревянную дверь и приветствует двух пожилых женщин, в которых узнает тетиних соседок, миссис Линден и миссис Джексон, — хорошо, что она и имена их вспомнила как раз вовремя. Они сетуют на погоду, и Элис поворачивается к вошедшему следом за ними мужчине, худящему, с жиденькими, зачесанными поверх лысины прядями и в светло-коричневом замшевом жилете с темными пятнами от дождя.

— Я ее близкий друг. — Он сжимает руку Элис в своей.

От многозначительного вида, с которым старичок произнес «близкий», Элис становится не по себе.

— Замечательно, — говорит она, — где вы познакомились?

Старичок оглядывается, словно боясь, что их подслушивают.

— Так, в одном месте, — туманно отвечает он. Этот ответ явно не предполагает дальнейших вопросов.

— И давно вы были знакомы? — все же делает попытку Элис.

— В каком-то отношении да.

Беседа начинает надоедать Элис, и она рада, когда ее вниманием завладевает крупная, на первый взгляд незнакомая женщина в блестящей темно-синей водолазке. Едва переступив порог, женщина хватается Элис за руку и говорит:

— Ну, здравствуй, солнышко!

— Здравствуйте, — отвечает Элис, — спасибо вам огромное, что пришли.

— Ох, да брось. Как я рада тебя видеть! Столько лет прошло!

Такой поворот тревожит Элис: этого нового противника она явно не помнит. Однако женщина выжидающе смотрит на нее, и Элис, боясь ее обидеть, мямлит:

— И я вас тоже. Рада вас видеть.

— Так все это печально, — говорит женщина, и Элис соглашается.

Миссис Линден и миссис Джексон уже удаляются по коридору, а вот близкий тетушкин друг по-прежнему околачивается возле Элис. Хорошо бы он не попросил представить его. Впрочем, доходит вдруг до Элис, его-то имени она тоже не знает. В надежде

вытянуть из гостыи еще что-нибудь Элис делает ставку на нее:

— Как вы добрались?

— Очень быстро, солнышко, — отвечает гостыя, — мы же тут рядышком живем.

Соседка! Элис ликует. Женщина улыбается:

— Ты так на него похожа — просто удивительно. Господи, как же нам всем его не хватает, да?

Тут Элис понимает, что женщина ошиблась, но как лучше сообщить ей об этом, она не знает.

— Вообще поразительно, — женщина вглядывается в лицо Элис, — я сейчас словно на него смотрю. Он живет в тебе. У тебя его глаза. И его нос — его знаменитый нос! И даже подбородок его.

— На самом деле, мне кажется... — начинает было Элис, которой такое сравнение ничуть не льстит, но гостыя перебивает ее:

— Ладно, пойду найду Марджори. Она тут пишет, что заняла мне местечко, а ты ж ее знаешь.

Элис остается в компании тетушкиного друга в жилетке. Он видел ее унижение, и от этого неловкость усугубляется. Элис силится придумать какую-нибудь подходящую реплику, чтобы разрулить ситуацию, но незнакомец опережает ее:

— Какая приятная дама. Прошу прощения, но я, пожалуй, пойду присяду.

Элис провожает его взглядом. Следующие несколько минут она предается самобичеванию, перебирая в памяти слова из беседы с женщиной и прикидывая, где ей следовало бы сказать что-нибудь иначе. Похоже, вот и еще одно постыдное воспоминание, которому суждено терзать ее по ночам.

Наконец Элис замечает, как здесь жарко, замечает, что под мышками у нее уже мокро и что плотная ткань платья пропиталась потом. Да и само платье — ошибка, оно куплено в приступе паники несколько дней назад. На сайте в интернете оно смотрелось очень элегантно, но утром, глядя в зеркало, Элис подумала, что на ней оно ну прямо как мешок. Будь она библейской грешницей — наверняка исполняла бы в таком одеянии епитимью. Жесткая ткань натирает под мышками, мокнет от пота и сковывает движения.

Элис отвлеклась на это нагромождение неприятностей и не замечает, как сзади к ней тихо приблизилась Ханна.

— Я с другого входа зашла, — объясняет Ханна, когда Элис оборачивается и видит ее, — там сзади еще одна часовня, ты в курсе? Я чуть на чужие похороны не попала. — Ханна понижает голос: — Где она?

— В гробу, в часовне, — отвечает Элис, — ее уже принесли.

Ханна фыркает:

— Да я про мамочку. Не вселяй в меня напрасных надежд.

— Не знаю. Мы приехали вместе, но потом я ее потеряла.

— А вообще как она сегодня?

— Довольно бодрая.

— Господь всемогущий.

Сунув руки в карманы, Элис нащупывает салфетки, которые положила туда утром, и стискивает их в кулаках.

— Ты как, нормально добралась? — спрашивает она.

— Ага. Только долго получилось.

Они ненадолго замолкают.

— А ты знаешь, — говорит наконец Ханна, — что это наши девятые похороны? В смысле, у нас в семье.

— Да вряд ли.

— Так и есть. Вот смотри. Бабушки с дедушками, по двое с каждой стороны. Двоюродная бабушка Мэй. Старая миссис Маллиган, которая через дорогу жила, — она еще нас не любила. На следующий год — мистер Маллиган, а все потому, что похороны миссис Маллиган удались нам на славу.

Она не завершает перечень — это делает за нее Элис:

— Папа.

— Вот видишь! — подхватывает Ханна. — Список-то получается внушительный. Люди наверняка судачить станут.

Ханна замечает, как из туалета выходит мать.

— Ладно, позже увидимся. — И она устремляется прочь по коридору.

— Увидимся, — бормочет Элис.

За четыре года это их первый разговор.

Майкл входит в часовню с важным видом человека, которого оторвали от дел. К этому моменту большинство гостей уже заняли места в часовне, но Элис задержалась у входа, дожидаясь опаздывающих. Из соседей на похороны приехали четверо, все престарелые, все знали еще бабушку и дедушку Элис,

а тетю помнили еще девочкой. Кроме соседей, здесь четверо тетиных друзей: помимо близкого друга в жилетке, еще один мужчина и две женщины (не считая той, в темно-синей водолазке, которая, видимо, отыскала нужную ей часовню). Судя по всему, между собой они не знакомы. С учетом самой Элис, ее матери, Майкла и Ханны желающих попрощаться с тушкой выходит двенадцать человек, и Элис понимает, что сэндвичей заказала многовато. Да и с вином размахнулась. Сама она пьет мало, поэтому ей сложно определить, сколько понадобится другим. И она очень боялась, что хватит не всем.

— Ханна приехала, — произносит она, когда Майкл наклоняется поцеловать ее в щеку.

Черный костюм ему очень к лицу. Майклу всего тридцать шесть, но волосы на висках уже седеют. Седина его красит, думает Элис.

— Ну что ж, — Майкл пожимает плечами, — она же предупреждала, что приедет, — и Элис чувствует, что их сестре он ничего уступать не желает.

Он, похоже, приехал один, а подробности Элис предпочитает не выяснять. Может, и к лучшему, что он без жены, та явно из тех, кто любит кидаться на могилу и рыдать, причем неважно, знала она усопшего или нет. Хотя у них, конечно, никакой могилы не будет. Интересно, думает Элис, встречаются ли любители кидаться на печь крематория? Это, должно быть, непросто, ведь тогда пришлось бы довольно унижительно ползти по металлическому туннелю. Тут Элис одергивает себя: во-первых, она выдумывает про невестку всякие гадости, а во-вторых, такие мысли на похоронах неуместны.

— Восемь человек пришло, — говорит она, чтобы не молчать, — не считая нас. Молодцы, правда ведь?

— Не понимаю, зачем им это.

— Но я боюсь, что слишком много вина закачала.

— Сколько?

— Двадцать четыре бутылки, — отвечает Элис.

— Господи, Элис, это же похороны, а не оргия.

— Знаю, — смущается Элис.

Она давно знает, что Майкл считает ее легкомысленной, вот только не понимает, чем она заслужила такое отношение. Вообще-то большинству окружающих она кажется чересчур серьезной. Сама Элис часто переживает, что выглядит в чужих глазах занудой.

— Где мама? — спрашивает Майкл.

— Спереди сидит. У нее вроде все в порядке. И настроение хорошее.

— Сомневаюсь, — говорит Майкл, — сейчас же похороны.

— Ну разумеется, — откликается Элис, — принимая во внимание обстоятельства. — И добавляет, стараясь выдержать траурный тон: — Она тебя увидит, и ей спокойней станет.

Майкл кивает.

— Тогда тоже туда пойду, — он сверяется с часами, — мы начнем через семь минут. Постарайся не опоздать, ладно?

— Я с тобой, — говорит Элис.

— Хорошо, — его взгляд на миг задерживается на ее платье, — новое?

— Да, — с вызовом отвечает Элис, но Майкл лишь хвалит:

— Неплохое. Мне не нравится эта современная мода не надевать на похороны черное.

Радуясь его похвале, Элис соглашается и расправляет мешковатое платье. В этот момент из туалета появляется женщина в темно-синей водолазке. Она машет Элис:

— Попозже к тебе подойду, Джини.

— Элис, — сурово говорит Майкл, — ты себе кличку придумала?

После прощания они высыпают на улицу, освещенную лучами хиленького, каким оно обычно бывает после дождя, солнца. Элис оглядывается по сторонам, высматривая Ханну. Во время церемонии та села поодаль, выбрав себе место на задней скамье. Насколько Элис успела заметить, Ханна еще не говорила ни с матерью, ни с Майклом. А теперь Элис охватывает страх — возможно, необоснованный, — что, когда все остальные выйдут на улицу, Ханна тут же исчезнет, в очередной раз водой просочится сквозь пальцы. Однако в следующую секунду она видит сестру — та в одиночестве стоит чуть в стороне от сбившихся в группки людей. Элис быстро вытирает лицо, избавляясь от оставшихся слез, и трогает Ханну за локоть.

— Эй, привет, — робко говорит Элис.

— Ага, привет. — Ханна поворачивается к ней и скрещивает на груди руки. — Церемония отлично прошла.

— Да, — соглашается Элис.